Текст · 28 июля 2022, 10:27
Сет Харп,

Армия призраков. Американский репортер отправился на поиски украинского Иностранного легиона — и нашел иностранцев, но не легион

В начале российского вторжения в Украину президент Владимир Зеленский объявил о наборе добровольцев со всего мира в Иностранный легион. Узнав об этой инициативе, американский журналист Сет Харп решил выяснить, кто и как будет воевать в новом формировании, и отправился в Украину. Харп не понаслышке знаком с войной: в нулевых он сам служил в Ираке, а потом писал репортажи из горячих точек по всему миру. Выяснилось, что, объявив о наборе в легион, Украина одержала победу — но не на поле боя. По договоренности с Харпом и *Harper's Magazine* «Медиазона» публикует перевод его репортажа об иностранцах, которые приехали воевать, но на фронт не попали.

Мой самолет, летевший из Мюнхена в Варшаву 13 марта, наполовину был заполнен англоговорящими мужчинами, одетыми в пестрое разнообразие тактической амуниции из военторга, брюки карго и походные ботинки. От них исходил едва уловимый запах грязного белья и впитавшегося сигаретного дыма. На одном была кепка с надписью: «В свою защиту могу сказать, что меня оставили без присмотра». На вид им было от двадцати до пятидесяти лет, казалось, сюда притащили парней из-за прилавков спортивных магазинов со всей

Америки. Кто-то храпел, кто-то смотрел видео. Это был последний этап долгого пути.

Когда мы приземлились, я увязался за мужской компанией в зоне выдачи багажа. Я заговорил с одним из них, парнем лет тридцати с рыжеватой бородой. Это был Рэй Леман из Пенсильвании, в прошлом он служил в морской пехоте.

— Ты и правда похож на морпеха, — сказал я ему.

— Мне часто это говорят, — отозвался он.

— Куда направляешься?

Леман отвел взгляд.

— Совершенно секретно, чувак, — наконец ответил он.
— Военная тайна.

Он подошел к окошку пункта обмена валюты и достал откуда-то четыре или пять плотно застегнутых зиплоков, набитых валютами разных стран.

— Вы принимаете [корейские] воны? — спросил он. Несколько монет, выпав из раскрытого пакета, покатились по полу. — У меня есть 3 175 иен.

В мрачновато выглядящую зону прилета выходят еще американцы: покрытый татуировками Джек Поттер — 32 года, штат Вашингтон, владелец компании *Guerrilla Tactical*[1] — и техасец Киеран Азертон, который только-только открыл фирму *The War Club LLC*[2] и продает через инстаграм очки ночного видения. Они попытались арендовать машину, но

теперь подозревают, что их кинули: у компании, обещавшей им машину, как оказалось, вообще нет офиса в варшавском аэропорту имени Шопена.

Мэтью Вандайк, изможденный 42-летний бородач из Балтимора, подхватил рюкзак с багажной ленты и решительно двинулся к выходу. За ним последовали: Леман, мускулистый мужчина с глубоким шрамом под глазом, оператор *ABC News* и ветеран Вьетнама в мятом костюме в тонкую полоску, с седыми волосами, собранными в хвост. Последний — Уильям Девлин, пастор Библейской церкви неизмеримого[3] в Южном Бронксе и профессор Нильского теологического колледжа в суданском Хартуме. «Я здесь для того, чтобы молиться, наблюдать за происходящим и делиться Божией любовью», — объяснил он.

Эти люди — лишь малая часть американцев, пытавшихся добраться до Украины через Польшу после начала российского вторжения. Тем же маршрутом следовали неорганизованные группы бойцов из Англии, Шотландии, Ирландии, Канады, Швеции, Норвегии, Франции, Испании, Чехии и многих других европейских стран. Попадались среди них и одиночки из таких отдаленных уголков, как Южная Корея и Перу. Многие из них были ветеранами боевых действий или проходили в прошлом военную подготовку. Кто-то воевал против «Исламского государства» в Сирии в составе курдских отрядов самообороны *YPG*. Некоторым уже доводилось воевать против пророссийских отрядов в Донбассе за восемь лет тлеющего конфликта.

Отправиться в путь они решились по приглашению президента Украины Владимира Зеленского. Вскоре

после того, как российские танки перешли украинскую границу, Зеленский объявил об организации нового военного формирования, полностью состоящего из иностранных добровольцев — Интернационального легиона территориальной обороны Украины. «Все друзья Украины, кто хочет присоединиться к защите, приезжайте, мы дадим вам оружие», — объявил Зеленский.

Украинцы запустили сайт для вербовки легионеров и разместили там качественно снятый видеоролик с подписью: «Четыре простых шага по вступлению в армию героев». Предпочтение отдавалось ветеранам с боевым опытом, но в целом подать заявку мог любой доброволец. Через неделю после обращения Зеленского министр иностранных дел Украины Дмитрий Кулеба сообщил журналистам, что в легион записались 20 тысяч военнослужащих из 52 стран, это примерно одна десятая от численности действующей украинской армии.

Ранее мне доводилось писать об иностранных добровольцах, сражающихся с «Исламским государством» в Сирии. Это была смесь радикальных левых, которым близка тактика «Черного блока»[4],

и военных энтузиастов из Европы и США, которым плевать на политические тонкости. Даже на пике событий, в 2017 году, их не набиралось и пары сотен, и вливаться в общие ряды им удавалось с трудом. Горстка смутьянов постоянно создавала курдам проблемы, а незнание курманджи и арабского ограничивало их возможности в бою. Не менее трех десятков добровольцев погибли.

В Украину должно было приехать на порядки большее число добровольцев. Казалось, сформировать из этой многоязычной толпы боеспособное подразделение, причем прежде чем Россия одержит предсказанную ей аналитиками быструю победу, практически невозможно. Тем не менее украинцы вскоре заявили, что иностранные бойцы уже участвуют в боях. 7 марта сухопутные войска Украины опубликовали фотографию, на которой десяток мужчин из США, Великобритании, Швеции, Литвы, Мексики и Индии, ухмыляясь, сидят в окопе, укрепленном мешками с песком. Униформа и вооружение у них были точно такими же, как у территориальной обороны Украины. Минобороны заявило, что первые добровольцы «уже на позициях в окрестностях Киева».

Я все не мог понять: это обычный пропагандистский трюк или же война в Европе действительно привела к возрождению в XXI веке интернациональных бригад времен гражданской войны в Испании? Чтобы разобраться, я решил пройти первый из «четырех простых шагов» и отправил электронное письмо в ближайшее ко мне украинское консульство в Хьюстоне, прикрепив сканы паспорта и послужного списка в американской армии. Ответа не последовало.

Судя по обсуждениям в *Reddit,* где группа потенциальных добровольцев насчитывала уже 35 тысяч участников, меня не единственного проигнорировали украинцы. Большинство сходилось во мнении, что дипломатов просто завалили письмами, так что добровольцам следует самостоятельно лететь в Польшу и добираться до украинской границы. Хотя к тому моменту украинская армия уже была одной из крупнейших в

Европе, не считая ста тысяч резервистов, потребность в новобранцах никем не подвергалась сомнению.

Один американец опубликовал в группе скриншот ответа украинских дипломатов, которые призывали его проявить терпение; если он попытается снова выйти на связь, предупреждал офис военного атташе, ходатайство будет отклонено. «Двигай к украинско-польской границе и скажи пограничникам, что приехал воевать за Украину, они тебя направят куда надо, — посоветовал один из участников группы. — И возьми с собой столько снаряжения, сколько сможешь». Несмотря на мой скептицизм, лучшего плана у меня не было.

Похоронная процессия после обстрела тренировочной базы, Яворово, 16 марта 2022 года. Фото: Bernat Armangue /AP

Создание Интернационального легиона освещалось прессой в положительном ключе. За пару дней англоязычные издания выпустили сотни статей, в некоторых из них содержались практические инструкции для тех, кто пожелал бы к нему присоединиться. Практически каждое крупное издание в США, включая *New York Times* и *Wall Street Journal*, опубликовало восторженные истории об американцах, которым «доверяют все более важные задания по мере интенсификации боевых действий».

Москва тоже приняла информацию к сведению. Ранним утром 13 марта, пока я был на пути в Варшаву, российская армия ударила крылатыми ракетами

по Яворовскому военному полигону в Львовской области, в десятке километров от польской границы, куда стекались иностранные добровольцы. Сколь бы впечатляющими ни были их послужные списки из Ирака и Афганистана, никто из новобранцев легиона и представить не мог смерти от высокоточных боеприпасов. На снятом после удара видео вокруг воронки глубиной больше десяти метров полыхают строения. Украинцы подтвердили гибель 50 человек-[5], но отрицали, что среди них были иностранцы;

Минобороны России заявило, что жертвами обстрела стали до 180 человек. «Уничтожение прибывших на территорию Украины иностранных наемников будет продолжено», — говорилось в сообщении.

Ракетный удар заметно смутил и деморализовал едва сплотившееся вокруг общей идеи сообщество легионеров, но большинство из них решимость сохранило. В группе на *Reddit* они продолжали обмениваться советами и горячо спорить, так ли уж необходим боевой опыт. Некоторые производили впечатление ужасающе неподготовленных. Один из желающих поехать в Украину, хвастaвшийся, что умеет отжиматься и «раз в месяц или два ходит в тир», поинтересовался, предоставит ли ему украинская армия жилье с отдельным санузлом и сможет ли он взять с собой свою домашнюю черепаху. «Ты будешь спать в яме в земле. Есть вероятность, что в ней и помрешь, — получил он ответ. — Конечно, можешь взять черепаху… Может, она умрет вместе с тобой».

Вся Варшава была в украинских флагах. Сине-желтые полотнища украшали фонарные столбы и витрины магазинов, а портрет Владимира Путина зловеще смотрел с объявлений о розыске, расклеенных

по всему городу. Гостиницы в восточной части страны были переполнены теми, кто стремился на войну, и теми, кто от нее бежал. Вторых было значительно больше. В 2015 году около 1,3 млн беженцев из Сирии, Ирака, Афганистана и других стран приехали в Европу за убежищем. Только за три недели, предшествовавшие моему приезду, в Польшу прибыли около 1,8 млн украинцев.

17 марта я добрался до пограничного пункта пропуска Медыка. Толпы женщин и детей, закутанных в пуховые пальто, навьюченных чемоданами и рюкзаками, нескончаемым потоком двигались через переход. На польской стороне раскинулся палаточный городок, где социальные работники ожидали новоприбывших с бесчисленными бутылками воды, чашками горячего кофе, консервами, туалетными принадлежностями, детским питанием и кормами для домашних животных. Полиция, солдаты и пожарные споро разводили толпу беженцев по автобусам. В центре горели костры, на ветру хлопали флаги, а хипповатые сотрудники гуманитарных организаций разливали горячий суп. Худощавый юноша в шарфе и худи, неведомым образом умудрившийся притащить сюда невероятно потрепанный рояль с нарисованным на крышке пацификом, играл *Lean On Me* Билла Уизерса в размеренном темпе адажио.

Распознать потенциальных легионеров было нетрудно. Они говорили по-английски и кучковались небольшими группами, не отходя далеко от сваленных грудой тактических рюкзаков. Мне сказали, что палатка, где ведется набор в Интернациональный легион, стоит на украинской

стороне пограничного перехода, но большинство из тех, кто стоял на польской стороне, уже пытались туда вступить и получили отказ.

Некоторым из них, как, например, 47-летнему бывшему вертолетному технику из Манчестера, который хотел «остановить этого придурка Путина», отказали из-за отсутствия боевого опыта: в середине марта украинское министерство обороны сделало этот пункт обязательным. Другие передумали вступать в легион после ракетного удара по Яворовскому полигону. «В тот же вечер, когда я сюда добрался, я встретил нескольких парней, американцев, — говорил Тимоти О'Брайен, 57-летний отставной комендор-сержант морской пехоты из Чикаго. — Они сказали, что были на базе, по которой был удар. Они все повторяли: "Мужик, забудь про этот чертов легион!". В общем, наговорили нам всяких ужасов». Ходили слухи, что украинцы используют добровольцев как пушечное мясо. «Их гонят на фронт под дулом пистолета, — утверждал О'Брайен. — Запихивают в автобусы и везут на фронт с одним АК и десятизарядным магазином. Я приехал сюда воевать, а не чтобы просто сдохнуть». Майкл, 24-летний водитель *Amazon* из Массачусетса, в прошлом пехотинец американской армии, пересказывал те же слухи: «Украинцы даже не воюют. Они отправляют иностранцев на фронт, чтобы использовать их как живые щиты».

Я не знал, как относиться к этим свидетельствам — если не измышлениям — об украинцах, которые якобы отбирают у новобранцев паспорта, требуют подписания кабальных контрактов и крадут у них снаряжение. Все добровольцы, с которыми я общался

в Польше, считали, что легионеры массово гибнут в ходе плохо спланированных самоубийственных операций. При этом война шла уже более трех недель с интенсивностью, сравнимой со Второй мировой, а среди подтвержденных случаев гибели на поле боя не числилось ни единого гражданина западных стран. Через несколько недель после ракетного обстрела Яворовского полигона в Госдепартаменте США мне сообщили, что им ничего не известно о якобы погибших там американцах.

Лишь 29 апреля министерство обороны Украины сообщило о первых жертвах среди приехавших с Запада. Это были 36-летний Скотт Сибли, британский ветеран войны в Афганистане, неназванный 25-летний датчанин, по некоторым сведениям, ранее служивший в Ютландском драгунском полку в Хольстебро, и 22-летний Вилли Кансел — младший, бывший тюремщик из штата Кентукки, которого прогнали из морской пехоты за дисциплинарные нарушения.

В целом сомнительно, чтобы в первые дни войны кто-либо из жителей западных стран участвовал в боевых действиях. Как мне представляется, украинцы сами выполняли всю тяжелую работу, убивая и умирая. Иностранные добровольцы, казалось, были не более чем красивой историей для журналистов.

Пресс-конференция Интернационального легиона территориальной обороны Украины, Харьков, 24 июня 2022 года. Фото: Leah Millis / Reuters

Моей первой остановкой после пересечения границы стал Львов, древний город гаргулий и готических шпилей на самом западе Украины. До войны он славился кофейнями и пивоварнями, а с началом боевых действий стал перевалочным пунктом и распределительным центром для добровольцев всех мастей. Когда я приехал туда 22 марта, многие городские статуи и памятники были обложены мешками с песком и завернуты в полиэтилен, а витражи соборов заколочены. Трамвай советских времен грохотал мимо каменной стены с бойницами, пока рядом стояли и вейпили солдаты. Ночью мокрые булыжники мостовой блестели в неоновом свете баров, ассортимент которых из-за военного сухого закона был ограничен безалкогольным пивом.

Небольшие группы молодых парней и мужчин среднего возраста, говоривших по-французски или по-английски, бродили возле гостиниц. Все они были одеты в тактическую одежду различных вариаций и внимательно изучали карты с телефонов. Они были легкой добычей для полчищ репортеров, наводнивших город и отправлявших в редакции репортажи с заголовками типа: «Разные, но братья»[6], «Легион проклятых» и «Капучино и Калашниковы». Годились и такие их цитаты: «Я думал, что умру», «Я просто хочу убивать русских» и «Я не хочу быть пушечным мясом».

Большинство добровольцев, с которыми мне довелось пообщаться, производили впечатление людей несведущих и неадекватно оценивающих обстановку, не имевших ровным счетом никакого понимания о ситуации на фронте. Украинцы четко работали с медиа, и представители пресс-служб

мало что могли рассказать, помимо официальных данных с ежедневных брифингов. Ездить на линию фронта было запрещено. Командиры интервью не давали. Полевые госпитали были закрыты для посещения. Военные регулярно отбирали у меня телефон и удаляли фото и видео. Неудивительно, что американским газетам регионального уровня вроде *Delaware County Daily Times* приходилось доверять словам земляков. К таковым можно отнести 54-летнего Патрика Крида из Хавертауна, который рассказывал журналистам, что занят «беспрерывной зачисткой домов от предполагаемых россиян» в Киеве. К чести журналистов *New York Times*, в своей статье они аккуратно отметили, что им не удалось «найти ветеранов, реально участвующих в боевых действиях в Украине». Другие издания были не столь осмотрительны. *Washington Post*, например, с энтузиазмом рассказала, что норвежка Сандра Андерсон Эйра «провела на передовой большую часть конфликта».

В статьях *New York Review of Books* и *New York Magazine* некоторых добровольцев изображали антиправительственными элементами, экстремистами, кровожадными психопатами или вечными бунтарями. Эти материалы, впрочем, были целиком основаны на сомнительных утверждениях и браваде в социальных сетях потенциальных легионеров, которые находились в США, Польше или во Львове, за сотни километров от линии фронта. Я понял, что если и существует соединение, которое можно назвать Иностранным легионом, то здесь я его не найду. Мне нужно было в Киев.

К тому моменту столица Украины была почти окружена российскими танками и артиллерией, а ее пригороды ежедневно подвергались обстрелам. При этом поезда почему-то продолжали ходить. 27 марта я приехал на львовский вокзал, заполненный напряженными и измученными мужчинами и женщинами, которые тащили с собой чемоданы, детей и домашних животных. Над моей головой раскинулся высокий, богато украшенный свод с облупившимися гипсовыми арками, под которыми висело расписание поездов кириллицей, которую я не мог прочитать. Пришлось использовать телефонное приложение-переводчик, чтобы купить билет. Группа мужчин из Канады, Швеции и Ирландии помогла мне найти дорогу к поезду. Двое из них приехали сюда воевать, в том числе свирепого вида швед с татуировкой Микки-Мауса на виске. Остальные трое ехали продавать дроны.

Они проводили меня на выщербленную платформу, вытянувшуюся на восток, на которой солдаты проверяли документы. Сирены воздушной тревоги сработали как раз в тот момент, когда прибыл ночной поезд в Киев, но посадка все же прошла по расписанию. Нас, едущих на восток, было немного. Половина спальных мест в моем вагоне была свободна. Вскоре я крепко заснул.

На следующее утро, выйдя из здания вокзала, я тут же услышал грохот артиллерии, доносившийся с севера. Центр города, величественный и монументальный, с внушительными старинными постройками и блеском позолоченных куполов, выглядел невредимым, но улицы были почти безлюдны, если не считать солдат в масках на

блокпостах и за пулеметными точками. Российское наступление захлебнулось, но все, казалось, были уверены, что это была военная хитрость и что штурм возобновится. Действовало военное положение.

В баре, где, несмотря на временный запрет на алкоголь, можно было пропустить пинту-другую, я встретился с высокопоставленным представителем министерства обороны Украины, который попросил не называть его имени. Под курткой на молнии у него скрывался автоматический пистолет Стечкина. Он показывал мне в телефоне фотографии предполагаемых зверств российских военных: раздавленный обломками мертвый ребенок; блуждающий среди руин растерянный мужчина; обгоревшие тела украинских солдат, ставших, по его словам, жертвами обстрела с применением фосфорных боеприпасов.

Я спросил его об Интернациональном легионе. Он признался, что правительство не было готово принять такое количество добровольцев. Около трети из них получили отказ из-за отсутствия боевого опыта: «Было бы нехорошо, если бы они погибли. У нас была бы та еще репутация». Еще треть добровольцев, продолжал мой собеседник, уехали сами — «после того, как увидели настоящую войну». Он имел в виду удар по Яворовскому полигону. Из оставшихся так и не сформировали отдельное боевое подразделение. Добровольцев разместили кого во Львове, кого в Киеве. Лишь немногим выдали оружие, бронежилеты и каски. На фронт, по его словам, отправились лишь немногие ветераны с огромным боевым опытом, не более того.

Это совпадало с тем, что мне рассказывал Мэтью Вандайк, вольнонаемный военный инструктор, которого я встретил еще в аэропорту Варшавы. «Интернационального легиона не существует, — написал он в СМС. — Все это было пропагандой, чтобы заручиться международной поддержкой, обеспечить внимание прессы и поддержать идею, что весь мир воюет против России». В Киеве он пересекся с группой из шестнадцати легионеров, которых разместили в гостинице на площади Победы. «Это было самое печальное зрелище на свете, — прокомментировал Вандайк. — Просто бродячий цирк неудачников». «Все это было плохо продуманным пиар-ходом, способом представить конфликт прессе как международный, — продолжил он. — Они хотят, чтобы люди писали в посольства, потому что на самом деле не собираются их сюда привозить. А тех, кто приехал сам, не знают, куда девать. Просто бардак».

Во Владимирском соборе, где хранятся мощи святой Варвары, покровительницы горняков, оружейников и артиллеристов, я встретился с Мамукой Мамулашвили, командиром Грузинского национального легиона — подразделения из иностранных бойцов, в основном выходцев с Кавказа. Православный христианин Мамулашвили, дородный мужчина с бородой, живет в Украине с 2014 года. Он сражался против российских войск в четырех конфликтах — в Грузии, Чечне, Южной Осетии и Украине. Иногда он приходит сюда помолиться.

Добровольцы Грузинского национального легиона в Киеве, 18 февраля 2022 года. Фото: Justin Yau /Sipa USA / Reuters

Мне рассказывали, что в грузинском легионе терпимо относятся к иностранным добровольцам всех мастей, в том числе к американским белым расистам. Мамулашвили поспешно начал это отрицать. «Мы не принимаем в свои ряды представителей радикальных организаций, — сказал он. — Мы стараемся не принимать неонацистов, расистов или как их там. Это совершенно неприемлемо. Мы просто прогоняем их». Мамулашвили рассказал, что из 700 бойцов под его началом около 150 приехали не из стран Восточной Европы, а американцев — всего 50. Его люди действуют небольшими группами, устраивая вылазки против российских линий снабжения. Во время разведывательных операций они передвигаются пешком, не используя ни раций, ни мобильных телефонов. Могут провести неделю в лесу, наблюдая за дорогами и передвижениями российской техники, чтобы потом устроить засаду. По его словам, они только что убили 60 российских военных и захватили три танка в селе Рудницком[7].

. Мамулашвили показал видео операции с телефона и пожаловался, что украинские силовики вечно подвергают цензуре его видеоролики в *TikTok*.

Объявление Зеленского о наборе в Интернациональный легион, по словам Мамулашвили, оказалось «только во вред». «Начался полный хаос, потому что они не были готовы к такому количеству добровольцев», — рассказал он. Не сумев

отыскать какого-то реального интернационального подразделения, толпы оставшихся не у дел англоговорящих добровольцев попытались найти себе место в грузинском легионе. «Но у нас нет времени тренировать новичков или формировать новые отряды», — объяснил Мамулашвили. Через несколько недель он приостановил набор западных легионеров. «Сейчас я беру только грузин, — признался он. — Грузинам я могу объяснить, что до выдачи оружия нужно подождать две недели. Американцам я это объяснить не могу. Они слишком нетерпеливы».

Еще одно подразделение, куда вроде как принимают иностранцев, — ультраправый батальон «Азов»-[8], элитное подразделение, чьи неоязыческая и квазифашистская эстетика и убежденность в превосходстве белой расы давно смущают западных либералов, поддерживающих Украину. Базу «Азова» я нашел в старом советском поселке на промышленной окраине Киева. Там я встретился с его основателем Андреем Билецким.

Билецкий, в оливково-зеленом свитере и с пистолетом на поясе, принял меня в бетонном зале заброшенного заводского здания; под потолком висел желтый флаг «Азова» с вольфсангелем — символом, напоминающим свастику[9]. Он отрицал, что в рядах «Азова» когда-либо воевали американцы. Однажды приезжали американские инструкторы, но больше ничего не было: «Есть хорваты, белорусы, грузины, есть британцы, но, насколько я помню, их немного».

Что до Интернационального легиона, по словам Билецкого, «он существует, но это по большей части элемент психологической войны», цель которой — укреплять поддержку Украины в мире. «Практического значения он не имеет», — сказал Билецкий, отметив, что в резервах уже имеется избыток личного состава.

Пока большая часть «Азова» обороняла Мариуполь в окружении российских войск и страдала от нехватки воды, Билецкий приехал в Киев в поисках пополнения. Я сказал ему, что в городе сейчас множество расстроенных иностранных добровольцев, оставшихся не у дел и желающих присоединиться к любому подразделению, которое согласится их принять. Возьмут ли в «Азов» американцев, канадцев, британцев и прочих иностранцев? Билецкий посоветовал гражданам западных стран записываться в волонтеры гуманитарных организаций, а на мой вопрос не ответил.

Уже на пути к выходу с завода я заметил четверых мужчин в потрепанном камуфляже, топтавшихся возле деревянного здания пропускного пункта. На нем большими буквами по-английски было написано из баллончика: *WHITE POWER*, а рядом смайлик. Я сделал вид, что отвечаю на телефонный звонок и ухитрился сделать фото, но общаться с этими людьми не стал. Они говорили по-английски, но разобрать их речь было трудно из-за шума заведенной бронемашины. Единственные слова, которые мне удалось услышать отчетливо: «Иностранный легион».

Когда я был военным корреспондентом в Сирии, я смог посетить тренировочную базу иностранных добровольцев, поговорить с их командирами и съездить на передовую, где иностранцы сыграли небольшую, но ценную роль в освобождении Ракки. Стало понятно, что здесь, в Украине, ничего столь же близкого к реальности мне не светит. Похоже, главной задачей Интернационального легиона было закрепление победы Украины в информационной войне. И здесь победа оказалась столь внушительной, что России пришлось объявлять о запуске собственного подразделения для иностранцев. Через две недели после начала вторжения в Украину Путин одобрил предложение «помочь» 16 тысячам «добровольцев» с Ближнего Востока перебраться в Донбасс для участия в боях на стороне самопровозглашенных республик. Успех такого плана казался маловероятным, но Москва все же перебросила несколько сотен военных из Сирии.

Украинцы оказались сообразительнее и убедительнее. Первых прибывших добровольцев опросили, проверили, предложили им настоящие военные контракты и предоставили жилье. Некоторым разрешили носить украинский флаг и нашивку теробороны. С десяток из них пробились на передовую, присоединились к украинским частям и занимались, к примеру, патрулированием. Но украинцы, занятые более неотложными делами и несколько обескураженные ударом по Яворовскому полигону, мало что сделали, чтобы выполнить обещание Зеленского обучить, экипировать и вооружить всех друзей Украины, приехавших по его приглашению.

Объявление о наборе в Иностранный легион стало блестящим примером военной пропагандистской операции. Встреченные мной добровольцы из стран Запада, слонявшиеся по Варшаве, приграничью, Львову и Киеву в поисках Интернационального легиона и не знавшие, куда себя деть, стали лишь ее печальным побочным эффектом. Трудно было их не пожалеть. Лишь у немногих были высшее образование и постоянная работа. Они потратили последние деньги со счетов на зимнюю экипировку, бронежилеты, аптечки и авиабилеты. Кем-то, быть может, и руководили жажда крови или идеи превосходства белой расы, но большинство тех, кого я встретил, по политическим взглядам были либералами, центристами или консерваторами разных сортов. По большому счету, их просто затянуло в эту игру. Те из них, кто когда-то воевал в Ираке и Афганистане, мужчины среднего возраста или чуть старше, возможно, поверили в свой шанс вновь обрести какую-то значимость, пережить азарт от участия в событиях мирового масштаба. Многие из них до сих пор остаются в Украине в поисках какого-нибудь — любого — дела.

Их временные пристанища, секретные вписки, где жили десятки таких мужчин, было нелегко найти, но мне удалось разыскать одну из них — в художественной галерее возле Софийского собора. Это была полуофициальная база резервистов, хотя она больше напоминала мужской клуб. Вячеслав Дрофа, 23-летний украинец, ставший моим проводником, представился бойцом спецназа, но позже уточнил: на самом деле он рэпер и просто ждет, когда ему оформят военные документы. Он был одет в собственного подбора униформу, спереди к

бронежилету были прикреплены нож и тактические перчатки.

Внутри на стенах галереи все еще висели картины с инопланетянами и математическими уравнениями. Постельное белье, одежда и сумки валялись на полу, на столе лежала холодная пицца, а у кухонной раковины выстроились кастрюли и сковородки. Семь или восемь человек, о которых я не знал, имеют ли они какое-то отношение к военной службе, то и дело уходили и возвращались обратно. Они были одеты в невообразимую мешанину из военной формы, гражданской одежды, пижам и тапочек. Среди них были американец по имени Уилл и поляк по имени Роберт.

Меня с порога спросили, пью ли я. Бутылка виски стояла на липком столе в окружении пластиковых стаканчиков. Я вежливо отказался (было два часа дня). Следующий вопрос был, курю ли я траву.

Мы спустились вниз, в бомбоубежище, которое они окрестили «курилкой». Там были «водник» из винной бутылки, погруженной в керамический кувшин, и пакетик с травой сорта «АК-47». Голая лампочка торчала из кирпичной стены, покрытой граффити: 4:20[10], грибы, египетские иероглифы, звезда Давида, череп и скрещенные кости. Вентиляционные отверстия были разрисованы под глазные яблоки с полопавшимися кроваво-красными сосудами.

Несколько украинских солдат, промокших под дождем, зашли к нам сделать пару затяжек. Мой переводчик, студент юридического факультета по

имени Игорь, отказался, я же решил больше не сопротивляться. Не привыкший находиться накуренным в зоне боевых действий, я рассматривал заряженное оружие, разложенное в комнате, с растущим напряжением отмечая, до чего небрежно с ним обращаются. У одного солдата на магазине АК была наклейка «Футурама», а на кинжале — навершие в форме головы кабана. На стене висел патриотический плакат с изображением блондинки с косами. Игорь положил руку на коробку с дроном *DJI Air 2*, позднее мы передадим его военным под Херсоном. Его волосы были взъерошены, на нем были темно-синий тренчкот и бордовые «мартенсы».

Я повернулся к американцу Уиллу. Он не сказал мне, ни откуда он конкретно, ни какая у него фамилия. Весил он, похоже, меньше 50 килограммов. Ему было около 25, и он, казалось, лучился оптимизмом. На нем были шапка, нательная майка с длинным рукавом и плотные брюки карго. У него был дефект речи, он слегка косил на один глаз. Он признался, что не служил, но уверен: «У меня больше стрелкового опыта, чем у большинства вояк, что сюда приезжают».

В поисках Интернационального легиона Уилл пытался присоединиться к грузинам, которые отправили его в Красный Крест. Там ему, в свою очередь, дали адрес больницы в Киеве, которая, как говорили, принимала добровольцев. Но в больнице ему тоже отказали. «Потребовалось время, чтобы связаться с нужными людьми», — сказал он. В конце концов он пристроился на базу, где помогал резервистам доставлять еду, бутилированную воду и другие припасы бойцам на окраинах Киева. Да, это не фронт, но все равно опасная работа.

Всего несколько дней назад Роберта, польского добровольца, швырнуло о кирпичную стену при разрыве артиллерийского снаряда. Врач целый час удалял осколки из ноги, рассказал сам Роберт, его нога и запястье все еще были перебинтованы.

Переполненный подвал окутали клубы дыма. Мужчины кашляли и задыхались, передавая друг другу пистолет и внимательно его рассматривая. Кто-то включил техно. Худой долговязый украинец с длинной бородой по имени Юра опустился на сломанный стул, втиснутый между холодильником и стеной, с сигаретой между пальцев и автоматом Калашникова между коленями. Ему было 33 года, до службы в тероборонe он занимался разработкой невзаимозаменяемых токенов, *NFT*. По словам Юры, украинцы используют криптовалюту для всех околовоенных операций, от пожертвований до покупки ботинок, жилетов и перчаток. Но насущнее всего, по его словам, была потребность в технологиях защиты от беспилотников, «информации о российских шифрах и телекоммуникационных системах» и радиосканерах, потому что россияне использовали на передовой незащищенные каналы связи.

Дрофа прервал нашу беседу: пора везти припасы в дом престарелых и инвалидов в Оболонском районе. Собранные местными жителями продукты уже погрузили в багажники двух автомобилей. Я ехал с Дрофой в его навороченном *Audi Quattro*, который четыре дня спустя он разобьет в хлам, лоб в лоб столкнувшись с *Renault*. Он завел машину, размеренно пережевывая печенье в шоколадной глазури; в ухе у него болталась серьга в форме ножовки.

На пассажирском сиденье расположился 46-летний Павел Паныч. «Он преступник», — объяснил Дрофа. Несколько лет назад Паныч вышел из колонии, но все еще оставался влиятельной фигурой в украинском тюремном мире. В это безумное время он стал связующим звеном между Красным Крестом и местным самоуправлением — насколько я понял, это было что-то вроде народных советов или строительных кооперативов в Оболони. Лысый, худощавый, бледный, с поясной сумкой и в темных очках, он улыбнулся и показал пальцами жест мира. «Такова жизнь», — произнес он.

Мы неслись по темным, залитым дождем улицам опустевшего Киева, не обращая внимания на красные огни светофоров. Практически все магазины были закрыты. Кое-где дорожные знаки были закрашены черной краской из баллончиков, чтобы дезориентировать захватчиков. Российские шпионы помечали фонарные столбы, углы домов и памятники ультрафиолетовой краской, незаметной в обычном освещении; украинцы уже задержали какое-то число диверсантов.

Берега Днепра были голы и покрыты илом. Вода в лучах заката казалась подкрашенной сине-фиолетовой краской. На рекламном щите политики прижимали к себе мешки с деньгами и хватались за животы. На каждом крупном перекрестке были оборудованы боевые позиции, окруженные противотанковыми заграждениями — ежами. Нам пришлось показать документы пять или шесть раз, прежде чем мы добрались до места назначения.

Дом престарелых, к счастью, обстрелом не был задет. Нас встретила женщина, которую звали Ирена Зуй. На ней было дутое пальто. Родом из Донецка, она жила в Киеве в ожидании медицинского обследования из-за опухолей в спине. Но тут началось вторжение. «Это все как ночной кошмар», — вздохнула она.

Вдалеке загрохотало: прогремели три приглушенных раскатистых взрыва. «Довольно близко, — сказал Дрофа. — Но это наши. Когда звуки напоминают грозу, это их теснит наша артиллерия».
Паныч пожимал руки старикам, обнимал их и фотографировался с ними. Ему удалось немного рассмешить дочь Ирены. Перед самым нашим отъездом он начал раздавать людям книги — опубликованные им за свой счет тюремные мемуары под названием: «Оставь надежду всяк сюда входящий».

К тому времени было уже очевидно, что наступление россиян на Киев провалилось. Логистические проблемы, плохая подготовка и неудачная тактика в сочетании со стойкостью украинской обороны

обернулись неожиданным результатом. 29 марта Россия объявила о выводе войск из северной Украины, но раскаты артиллерии на окраинах Киева не утихали: украинские подразделения одно за другим отбивали пригороды.

1 апреля украинцы отбили Забучье, небольшой поселок на реке Буче. На следующий день мы приехали в этот район вместе с двумя журналистами, парой соцработников и молодым мастером-ремонтником. С нами были двое новобранцев запаса: Игорь, студент юридического факультета, мой переводчик, и Юрий, юрист и владелец кофейни. У них была одна винтовка на двоих и никакой военной формы, только синие повязки на рукавах пальто. Три наших машины были загружены мешками с картошкой, банками с консервированными овощами, буханками хлеба и мешками с сахаром, которые нам предстояло раздать жителям Забучья, проведшим три предыдущих недели под русской оккупацией.

Разбитая машина, Забучье, 2 апреля 2022 года. Фото: Daniel Brown / Sipa USA / Reuters

Было холодно и сыро. Шоссе было усеяно кусками асфальта, тут и там стояли разбитые машины. Гусеничная техника сровняла дорожные ограждения с землей. На заправке явно произошел танковый бой. Казалось, что на район, по которому мы ехали, упал астероид. Кабели свисали с поврежденных опор. Сотовой связи не было.

Съехав с главной дороги, мы остановились у кладбища. Рядом с нами обнаружился брошенный внедорожник со снятыми колесами. К его крыше для маскировки были привязаны ветки. Водительская дверь была изрешечена пулями. Неподалеку в грязи лежали чьи-то внутренности и крупный кусок черепа. Юрий перевернул его ногой, обнажив пук спутанных светлых волос. К нам подошла собака, голова которой застряла в пластиковом контейнере, но тут же убежала в лес. Мы так и не успели ей помочь.

В Забучье нам навстречу выходили из домов люди, ошеломленные, грязные. Они показали повреждения, нанесенные их домам артиллерией и ракетами. По их словам, захватчики стояли лагерем в близлежащем лесу. Они жгли дома полицейских и угрожали местным расстрелами. Старушки плакали, старики превозносили вооруженные силы Украины.

На двухполосной дороге, ведущей из селения на юг, на протяжении полукилометра стояли с десяток обгоревших, раздавленных, переломанных, выпотрошенных, ржавеющих танков. Некоторые еще дымились. У большинства не хватало башен, похоже, это поработали украинские солдаты с переносными противотанковыми комплексами. Утопавший в тумане сосновый бор по обеим сторонам дороги

идеально подходил для засады. Пахло как возле потушенного костра.

Мы бродили вокруг останков железных машин, опасаясь мин. Наш ремонтник подобрал танковый перископ, весивший, должно быть, килограммов тринадцать, и мы по очереди смотрели в видоискатель. Я увидел на земле почерневшую гранату — и только после заметил тело человека, свисавшее из выгоревшей танковой башни совсем рядом.

На нем был мягкий танковый шлем с номером 517. Одна рука свисала из танка, опутанная проводами, рукав полосатой куртки был разодран. По стечению обстоятельств поперек танкового люка упала тяжелая металлическая балка — она не оставила его товарищам шансов вытащить тело. Верхняя половина его лица была обожжена до черноты.

Колонна вымазанных грязью пикапов *Nissan* с украинскими патрульными остановилась рядом с нами. Солдаты стали фотографировать мертвеца. Один из них взобрался на пушку, чтобы снять крупным планом окровавленное лицо в волдырях от ожогов. Другие солдаты, в балаклавах и наколенниках, пристраивались у покосившейся танковой башни и записывали видео на телефоны. В другой сгоревшей машине, бронетранспортере, они нашли обугленный торс русского без головы.

Один из украинцев — судя по оружию, снайпер — был в кепке-восьмиклинке, с дорогими часами на руке. У другого были длинные волосы, в ушах — серьги-тоннели. Я впервые оказался лицом к лицу

с бойцами регулярной украинской армии, и, хотя я устал приставать ко всем подряд с вопросами об американцах, я не мог не воспользоваться этим шансом и не расспросить об Интернациональном легионе настоящих фронтовиков.

Солдат в кепке, похоже, не понял моего вопроса. Его длинноволосый товарищ вспомнил заявление Зеленского, но единственными иностранцами, которых он видел в армии, были эстонцы, латыши и литовцы. «Я слышал об этом, — сказал он по-английски, — но никогда не встречал в жизни». Они побежали догонять уходившую колонну. Я смотрел, как они уезжали на север, в сторону Бучи, откуда только что пришли первые подтвержденные сообщения о массовых захоронениях.

На следующий день Украина объявит о полном освобождении области. Битва за Киев подошла к концу, как и моя охота за Интернациональным легионом. Я убедился, что это скорее миф, чем реальность, и что роль иностранных добровольцев в защите столицы была практически нулевой. Как ни рвались жители Запада воевать в Украине, было ясно: здесь нужды в них нет.

Автор: Сет Харп

Оригинал: “Army of Shadows. Searching for the Ukrainian foreign legion”, Harper's Magazine, July 2022

Перевод: Мария Портянская

1. «Тактика герильи».

2. Дословно «ООО "Военный клуб"».

3. Название Infinity Bible Church отсылает к строке 146-го псалма, который в синодальном переводе звучит так: «Велик Господь наш и велика крепость Его, и разум Его неизмерим».

4. Подход к анонимизации и унификации участников массовых акций протеста, в рамках которого максимальное число активистов одето в черную одежду и балаклавы, скрывающие лица. Участники таких акций, как правило, более радикально настроены по отношению к полиции, поэтому акции могут сопровождаться столкновениями с силовиками.

5. В оригинале — 35 человек; уже после публикации СБУ опубликовала обновленные данные о погибших.

6. В оригинале Band of Others — отсылка к названию Band of Brothers («Братья по оружию»).

7. Броварский район Киевской области.

8. Сейчас — отдельный отряд специального назначения «Азов» в составе Национальной гвардии Украины.

9. Хотя вольфсангель — немецкий символ крюка для ловли волков — не имеет отношения к свастике, его использовали на эмблемах некоторые воинские подразделения нацистской Германии, а позже — неонацистские организации. Эмблема «Азова», по словам Билецкого, не имеет отношения ни к вольфсангелю, ни к нацистам: крюк — «один из наиболее употребляемых в украинской военной традиции символов», и вообще это монограмма первых букв фразы «Идея нации».

10. Сленговый термин, отсылающий к курению марихуаны.